

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ О КАТЕГОРИЯХ В ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Судакова Татьяна Григорьевна

К.ист.н., старший преподаватель, Владикавказский филиал ФГОБУВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
tatyanyushka.s@mail.ru

Казиев Эдуард Викторович

Старший научный сотрудник, ГБУ «Институт истории и археологии Республики Северная Осетия–Алания»
(г. Владикавказ)
kedmon@rambler.ru

ARISTOTLE'S DOCTRINE ON CATEGORIES IN THE HISTORY OF ANCIENT PHILOSOPHY

**T. Sudakova
E. Kaziev**

Summary: In the history of philosophy, one can hardly find a more significant thinker than Aristotle, whose doctrine became the basis not only of European philosophy, but also of systematic scientific knowledge in general. In turn, the logical basis of the immense scientific heritage of the philosopher is his doctrine of categories, which is the starting point for Aristotle's ontology and dialectics. Consideration of this doctrine in proto- and epigenetic aspects was the goal of the study. As a result, it was found that Aristotle's doctrine of categories was the first attempt of a scientific ontology that reproduces the constituent elements of the actual subject content in the form of higher logical concepts. The contradiction appertained the positions of his predecessors between the object-sensory perception of a separate thing and its rational representation as a universal element in a number of similar things, Aristotle solved dialectically through a synthesis in the categories of general principles of formal logical thinking and direct individual experience. This substantive opposition of the general and the particular in the writings of his most significant followers was developed into an idea of Anima mundi and its incarnations, uniting with it through the loss of their objective individuality.

Keywords: Aristotle, categories, method, dialectics, cognition.

Аннотация: В истории философии едва ли можно обнаружить более значительного мыслителя чем Аристотель, чье учение стало основой не только европейской философии, но и системного научного знания вообще. В свою очередь логической основой необъятного научного наследия этого философа служит его учение о категориях, являющееся исходным для онтологии и диалектики Аристотеля. Рассмотрение этого учения в прото- и эпигенетическом аспектах составило цель представленного исследования. В его результате было установлено, что учение Аристотеля о категориях явилось первой попыткой научной онтологии, воспроизводящей составные элементы действительного предметного содержания в форме высших логических понятий. Свойственным положениям его предшественников противоречие между предметно-чувственным восприятием отдельной вещи и ее рассудочным представлением как универсальным элементом в ряду подобных вещей Аристотель решил диалектически через синтез в категориях общих принципов формально-логического мышления и непосредственного индивидуального опыта. Это предметное противопоставление общего и особенного в трудах наиболее значимых его последователей было развито в представлении о мировой душе и ее воплощениях, соединяющихся с ней через потерю своей предметной индивидуальности.

Ключевые слова: Аристотель, категории, метод, диалектика, познание.

В соответствии с логико-хронологической периодизацией античной мысли, учение Аристотеля относится к позднему этапу греческой философии классического периода, приходящемуся на IV-III вв. до н.э. К этому времени греческая философия уже миновала период *ранней классики* (натурфилософии, VII-V вв. до н.э.), когда «чувственно-материальный космос» как абсолют рассматривался ее представителями (Фалесом, Анаксимандром, Анаксименом, Гераклитом и пр.) в «объективно-материальном виде» первоэлементов бытия [5, с. 43-48], а мышление они уже могли отличать от ощущения (Парменид), и им уже была известна идея числа как абстрактной количественной сущности (Пифагор) [8, с. 298]. Вершиной натурфилософского периода античной философии стала атомистическая теория Левкиппа и Демокрита, эксплицитно поставившая *проблему* соответствия единства космоса логике понятий, т.е. проблеме адекватности философского видения мира порядку

этого мира [9, с. 32].

В последовавший за этим период *классической античной философии* (V-IV вв. до н.э.) произошел закономерный поворот к изучению логико-гносеологических, социально-политических, нравственно-этических и антропологических аспектов бытия. Этот поворот, ставший следствием необходимости перехода к систематическому построению чувственно-материального космоса как общедиалектической системы, был связан, прежде всего, с софистской традицией, впервые перенесшей философское внимание на человека и его личность [6, с. 149]. Его развил Сократ, чей метод приобретения знания посредством вопросов и ответов (майевтика), воспринятый им от ученика Парменида, Зенона Элейского (V в до н.э.) [10, с. 111], задал в истории западноевропейской философии импульс раскрытия рефлексивного потенциала, реализовавшийся в противопоставлении

рассудочного дискурса¹ как прежним интуитивно-описательным построениям натурфилософов, так и последующим (Платон) ноуменально-объяснительным² сущностным теориям, которые становились теперь уже сознательно проводимой и всеобщей диалектикой, совмещающей в себе рассудок (дискурс) и интуицию [5, с. 52]. Впрочем, софисты, Сократ, а также его последователи-сократики (IV в. до н.э.), обнаружив проблему сознания, не зафиксировали его устойчивые структуры, ограничившись лишь установлением их наличия [5, с. 176]. Этот важный шаг вперед в развитии философии сделал учитель Аристотеля, Платон, совместивший посредством диалектики³ в своем учении «общее и частное, космическое и человеческое, телесное и духовное» [8, с. 71].

Раннеклассическое (натурфилософское) и софистское направления доплатоновской традиции выражали экстремально противоположные подходы к проблеме единичного и общего, представляя абрис центральной для этой традиции онтологической и гносеологической проблемы, заключающейся в понимании того, как единое может стать многим и быть предметом познания. В натурфилософии возможность подлинного бытия и адекватного познания допускалась только в отношении единого, которое понималось как нечто тождественное во всем самому же себе и в этом смысле уже представляющее тотально всеобщее (*ἀρχή* как единое субстанциально-генетическое начало мира у старших физиков, учение элеатов о бытии как едином и т.п.). Альтернативное софистское направление основывалось на тезисе о бытии только единичного, открытого познанию как чувственно явленное множественное. Представленная Платоном теория идей, разрешала эти фундаментальные противоречия, выходя далеко за рамки проблематики античной философии в целом [9, с. 521].

Центральным в теории Платона было понятие *идеи*, или *эйдоса*. Это понятие собирало все множество явленных единичностей в неразделенное целое материального космоса и, будучи образцом первичного порядка, управляло закономерностями его бытия. По древнегречески слово *ιδέα*, как и слово *εἶδος*, означало нечто видимое [3, с. 460, 809] и потому, с одной стороны, содержание передаваемого этими словами платоновского понятия мыслилось не отвлеченно и абстрактно, а телесно и материально; однако, с другой стороны, восприятие такого рода первичных идей, находившихся, как полагал Платон, вне пределов материального космоса, было возможно только как процесс чистого умозрения или созерцания, что, собственно, и выражало греческое слово *θεωρία* [3, с. 784]. Пребывающие в своем извечном

бытии, эти идеи, управляя вселенной, представлялись Платону множеством образцов, моделей или парадигм, по лекалам которых происходило становление форм всей множественности вещей, выстраивавшихся из аморфной, текучей и бесконечной материи. Сама же материя, по мнению Платона, не могла породить никакого порядка, представляясь ему «кормилицей» и «восприимницей» единичных форм, явленных в чувственном мире по образцу идеальных эйдосов [8, с. 71].

Аристотель, который был учеником Платона и причислял себя к последователям его школы, хотя и возражал против многих аспектов учения ее основателя, но также, как и Сократ с Платоном, полагал, что задача философии заключается в познании истинной, первичной и неизменной сущности вещей, которую он, вслед за Платоном, видел в *формах* (*εἶδη*), образующих содержание понятий. На этом основании можно утверждать, что философия Аристотеля, как и философия Сократа и Платона, есть наука о понятийном мышлении, сводящая единичное к общим понятиям и объясняющая это единичное через выведение из общих понятий. Следует сказать, что Аристотель, в сравнении со своим учителем, представил этот процесс мышления как *метод*⁴ – и в диалектико-индуктивном (синтетическом), и в демонстративно-дедуктивном (аналитическом) аспектах – в наиболее совершенном виде, добавив в него научную строгость (категории философии) и исключив из него поэтический и мифологический декор [15, с. 142-143].

Логическим основанием всей философской системы Аристотеля является его учение о категориях, которое в традиции рассматривается как первая попытка научной онтологии, воспроизводящей действительность в форме высших логических понятий. Выстроенная Аристотелем система категорий была призвана дать определение бытия с различных его сторон, чтобы таким образом выяснить его сущность, которая, будучи в свою очередь единством своих внутренних и внешних определений, является совокупностью исследуемых категориями разных сторон этого бытия. Таким пониманием категорий Аристотель впервые поставил проблему их познавательной ценности, указав, что порядок и соотношение между идеями (эйдосами) те же самые, что порядок и соотношение между вещами [2, с. 117].

Заметим, что Аристотель был первым, кто использовал в философии слово *категория*, которое в обычной речи синонимично слову *класс* и теперь употребляется для обозначения множества сходных предметов. Первоначальными значениями слова *категория* (др.-

1 От фр. *discours*, 'речь', 'выступление' – понятийное мышление как линейно-дискретный процесс.

2 От др.-греч. *νοούμενον*, 'постигаемое'.

3 «Федр», 266с; 276е.

4 Др.-греч. *μέθοδος*, 'метод', 'наука',

греч. *κατηγορία*) были ‘высказывание’, ‘обвинение’ и ‘признак’. Согласно определению Аристотеля, слово *κατηγορεῖσθαι* означает ‘высказываться’, ‘утверждать что-либо о чем-либо’, глагол *κατηγορεῖν* он употреблял в значении ‘придираться’, а однокоренное этому глаголу существительное *κατηγοροῦμενον*, ‘высказывание’, Аристотель понимал как логический и философский предикат [2, с. 108].

Учение Аристотеля о философских категориях является закономерным следствием развития всей предшествовавшей ему греческой философии. В качестве примера можно указать таблицу 10 бинарно-оппозиционных понятий пифагорейцев, как на некую попытку представления категорий: *парное-непарное, отдельное-множество, свет-тьма, благо-зло, квадрат-прочие фигуры, правое-левое, мужское-женское, кривое-прямое, покой-движение*. Конечно же, здесь нельзя не сказать о том, что вопрос о категориях рассматривался и в сочинениях учителя Аристотеля, Платона. Так, в диалоге «Софист» Платоном представлены такие общие понятия как *бытие, тождество, движение, покой, различие* и другие⁵, а в диалоге «Тее́тэт» – бинарные оппозиции: *четное-нечетное, сходство-различие, бытие-небытие, единство-множество, знание-ощущение, часть-целое*⁶. Однако необходимо понимать, что пифагорейская таблица противоположных понятий не содержит ни одного термина, встречающегося у Аристотеля, а понятия Платона еще не были им выстроены в законченную систему, тогда как в философии Аристотеля категории обозначают общие принципы бытия и имеют своей целью раскрыть сущность познаваемых вещей посредством объединения онтологического и гносеологического подходов [2, с. 114, 115].

В трактате «Категории» Аристотель отмечает, что наиболее общие роды высказываний не могут быть сводимы друг к другу, и по этой причине они являются пределом обобщения. Собственно, они и являются категориями, отвечая на вопросы: «что именно есть?», «какое?», «сколько?», «когда?», «где?» и прочие⁷. Ответы на такого рода вопросы и есть далее перечисляемые и анализируемые Аристотелем десять категорий, среди которых он называет *сущность* (нечто, некто), *количество* (иметь такую-то длину), *качество* (быть философом), *отношение* (большой, меньший), *место* (в Академии), *время* (днем), *положение* (стоит, сидит), *состояние* (одет, вооружен), *действие* (кормит, поит), *страдание* (его кормят, поят). В трактате «Метафизика» Аристотель

отличает категорию *сущности*⁸ от девяти прочих категорий, полагая, что только она может обозначать в общей форме то, что способно к отдельному и самостоятельному существованию, тогда как прочие девять категорий обобщают то, что не существует самостоятельно, но существует лишь как нечто присущее (свойственное) – т.е. обобщенное в категории сущности, или сути вещи⁹.

Эта единичная самостоятельность фиксируется чувствами и именуется Аристотелем термином «*первичная сущность*»¹⁰, выражающим прежде всего самодостаточность любой единичной вещи и ее противопоставленность в отношении каждой другой. Однако эта чувственная воспринимаемость вещи является только самым первым ее восприятием, за которым необходимо следует ее рассудочное осмысление, углубляющее восприятие вещи до представления о ней как о «*вторичной сущности*», путем отнесения ее к определенному виду, а затем и к определенному роду [12, с. 57].

Таким образом, *сущность* является у Аристотеля универсальным термином, выражающим как индивидуальную самодостаточность любого предмета, так и его обобщенность по виду и роду, что, в свою очередь, позволяет иметь этой категории онтологический аспект, определяя расположение конкретной вещи в родовидовой системе бытия. На этом основании можно утверждать, что сущность есть всегда *подлежащее, субъект* (*ὑποκείμενον*). Сказуемыми же, т.е. собственно категориями (высказываниями), выступают девять других аспектов бытия, перечисленных Аристотелем в трактате «Категории» наряду с категорией *сущность*.

М. Хайдеггер видит начало этих категорий в способах обращения с вещами, соотнесенных с их «предметным полем». Он называет эти начала «смысло-соразмерными “разветвлениями” (“*Stämme*”)), имеющими характер определения (*что*) и исполнения (*как*), согласно которому к этому предметному наличию можно «обратиться» (*ansprechbar*), в том его понимании, что обращение к миру (как к универсуму наличий) возможно и необходимо, поскольку «мир сам требует обращения к себе» и в этом он есть *λόγος* [14, с. 61, 167].

Учение о категориях раскрывает один из путей, представляемых Аристотелем от грамматики к логике. Как было показано, «вторичная сущность» есть понятие, которое предполагает его дефиницию по видам и родам, а конкретизация этой «вторичной сущности» фиксируется

5 «Софист», 242b-249d; 254d-257b; 267.

6 «Тее́тэт», 185c-e; 198; 204-205.

7 «Категории», IV 1b25-10.

8 Др.-греч. *οὐσία, ὑπόστασις*; лат. *essentia, substantia*.

9 «Метафизика», VII 3, 1929a

10 «Категории», V 2a 11-19, 2b

в различных суждениях. Анализ таких понятий и суждений на предмет их истинности или ложности, представленный во втором сочинении, вошедшем в трактат «Органон», дает начало логике Аристотеля. В этом сочинении исследуются не отдельные слова («человек», «сидит», «Сократ», «бежит» и пр.), а сложные выражения (высказывания, суждения), составленные из таких слов и выражающие истину или ложь: «Человек сидит», «Человек бежит», «Сократ есть человек»¹¹.

Аристотель разделяет высказывания соответственно их количеству (частные и общие) и качеству (отрицательные и утвердительные) на четыре вида: *частно- и общеутвердительные, частно- и общеотрицательные*. Он также сформулировал основополагающее различие между понятиями, называемыми *противоположными* – т.е. противопоставленными понятиями, относящимися к одному роду (стол–стул), и понятиями, называемыми *противоречащими*, подмена которых друг другом вносит ошибочность и ложь в рассуждение [12, с. 59]. Понятия/термины и суждения/высказывания не должны противоречить друг другу, будучи составными частями суждений и умозаключений соответственно, поскольку истинность суждения утвердительного означает ложь при его отрицании и т.д. Этот порядок рассуждения есть основа для построения учения о *силлогизме*, т.е. такого высказывания, в котором из известных положений «вытекает нечто отличное от положенного, в силу того, что положенное есть»¹².

Силлогизм имеет четкую структуру: меньший термин *S* и больший термин *M* через средний термин *P* характеризуют определенное отношение субъекта и объекта:

$$\begin{array}{l} M — P \\ S — M \\ \hline S — P^3 \end{array}$$

Так, из того, что все люди есть смертные и Сократ есть человек, следует то, что Сократ есть смертный. Сущность силлогизма выражена в известной максиме: *dictum de omni et nullo* – все, что истинно утверждается о целом роде или виде, истинно утверждается также и о любом понятии, входящем в этот род или вид, а все, что отрицается о них, отрицается и об этом понятии. Такие силлогизмы, имеющие совершенно четкие посылки, определяемые четкими дефинициями, Аристотель называл *аподиктическими*¹³. Кроме того, он различал еще *диалектический* и *софистическо-эристический* силлогизмы, а также *паралогизмы* – силлогизмы, основанные

на ложных посылках [2, с. 80].

Оставляя в стороне рассмотрение прочих видов силлогизмов, заметим, что, говоря о *диалектическом силлогизме*, Аристотель ограничивает широту и чрезмерную неопределенность диалектики в ее трактовке Платоном. Исходными суждениями такого рода умозаключений Аристотель полагает правдоподобное знание, которое в действительности является всего лишь мнением и принимается на веру, однако выводы из таких посылок, хотя и получаются непротиворечивыми, в отличие от достоверных научных выводов будут не более чем вероятными [12, с. 62-63]. Вместе с тем, в диалектическом силлогизме Аристотель видит метод, «при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предполагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение»¹⁴.

Дедуктивный (от общего к частному) порядок силлогизма у Аристотеля дополняется индуктивным порядком опытно-чувственного *наведения* (*ἐπαγωγή*), или обобщения¹⁵. Заметим, что сам этот методологический принцип, известный в латинском переводе как *индукция* впервые был введен в научный оборот именно Аристотелем [12, с. 63]. Однако, как известно, единичные восприятия чувственного опыта в своих многочисленных повторениях лишь выявляют общие понятия, свойственные рассудку. Этот порочный круг (единично-предметное выявляет общее, которое выявляет единично-предметное) разрывался Аристотелем через необходимость взаимного контроля опытно-индуктивного и понятийно-умозрительного начал в научном исследовании. Главный тезис, устанавливаемый в этой связи Аристотелем, состоит в том, что если познание начинается с единичного, то суть получаемого знания составляет общее, которое есть «первое знание по своей природе», и объяснение этого тезиса он приводит в своем трактате о «первой философии» («Метафизике»).

За периодом «высокой классики», явившимся периодом зрелости и рассвета греческой философии [1, с. 306], последовал *эллинистически-римский период* (как назвал его А. Ф. Лосев), просуществовавший восемьсот лет – от времен завоеваний Александра Македонского (334-324 гг. до н.э.) до падения Римской Империи (476 г. н.э.) [7, с. 5]. Этот период характеризуется выдающимся развитием естественной науки и математики. Однако в истории философии, несмотря на основание эпикурейской (Эпикур) и стоической (Зенон Китийский) школ (кон. IV в. до н.э.), а также оконча-

11 «Об истолковании», IV 17a.

12 «Аналитика первая», I 24b, 18.

13 От др.-греч. *απο δεκτικός*, 'убедительный'.

14 «Топика», I 1, 100b 24.

15 «Аналитика вторая», I 18.

тельное оформление доктрины скептицизма, представленное Энесидемом (I в. до н.э.), он представляется менее значимым, чем период Платона и Аристотеля. Полагается, что единственным продуктивным жанром философской литературы периода последних четырех веков античной истории были преимущественно комментарии к трудам Платона и Аристотеля [16, с. 69], хотя комментаторам у ученикам Аристотеля, таким как Теофраст, Евдему Родосский (IV в. до н.э) и Александр Афродизийский (II-III в. н.э) удалось не только яснее изложить модальную силлогистику Аристотеля, но и открыть более фундаментальную логику высказываний [4, с. 3].

Впрочем, во времена эллинизма происходила ментальная подготовка разрушавшегося римского мира к победе христианства, проявившаяся, кроме прочего, в возникновении доктрины неоплатонизма, представленной Плотинем (III в.), которая только и может рассматриваться как некое идейное новаторство в этой многосотлетней эпохе [10, с. 238], представляя собой своеобразный «синтез платонизма и аристотелизма» [13, с. 110].

Предложенная Плотинем доктрина в наиболее полном виде раскрывает идею эманации всего сущего из первоначала, восходящую к гносеологическим моделям натурфилософии и представлениям неопифагорейцев о двоичном различии («двоице») как идее перехода единого во множественное [9, с. 525]. Выстраиваемая Плотинем на основе этой идеи троичная иерархия сверхчувственных ипостасей¹⁶ бытия (троица [11, с. 186]) исходит сама собой из лишённого формы, безграничного, неподвижного и всеблагого *Первосущества* (Протона¹⁷), первым произвольным творением которого является *Ум* (Νοῦς). Мышление Ума не является дискурсивным (линейным), будучи вневременным и созерцательным процессом, предметом которого является сам Ум, а также порождающее его всеблагое Первосущество, которое однако не предстает в этом процессе в каком-либо едином образе, что, впрочем, не мешает Уму иметь своими свойствами *пять категорий* умопостигаемого мира, которые Плотин позаимствовал для него у Платона и представляющих собой: бытие, движение, покой, тождество и различие [15, с. 242-243]. Третьей ипостасью в этой иерархии является *Мировая Душа* – понятие, также заимствованное им у Платона. Мировая Душа, все еще относясь к сверхчувственному миру, уже стоит на его

границе и излучает вторую душу, называемую Плотинем Природой, которая только и связана с телом мира так, как связана с телом человека его душа. Природа-душа посредством ряда прочих ипостасей порождает материю, которая в этом потоке деградирующего становления форм бытия из совершенного первоисточника оказывается самым несовершенным его проявлением [15, с. 244]. Впрочем, теория Плотина все же содержала в себе и элемент учения Аристотеля: душа, несмотря на извечность своего бытия, могла соединиться с Умом/Нусом, теряя в этом процессе свою индивидуальность и целостность, т.е. универсальный принцип бытия вещей (идея) мог оказаться тождественным самой вещи, воплощая таким образом принцип двойного тождества – главный принцип философских построений Аристотеля: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле»¹⁸. В современной интерпретации этот базовый принцип философии «крайнего “формалиста”» Аристотеля звучит как «всякое А есть только А и любое не-А всегда остается только самим собой – *tertium non datur*» [13, с. 10].

Таким образом, можно утверждать, что учение Аристотеля о категориях есть учение не только о формах логического мышления, но и о предметном содержании этих форм. Возникающее противоречие между предметно-чувственным восприятием отдельной вещи и ее рассудочным представлением как элемента в ряду подобных вещей Аристотель полагал разрешить диалектическим методом, состоящим в синтезе общих принципов формально-логического мышления и непосредственного опыта. Этим Аристотель поставил одну из важнейших проблем теории познания – проблему истины, которую предлагал решить путем умозрительного постижения *субстанции* или *сущности* вещей, представляющей собой их «форму» или «суть их бытия». Тем самым Аристотель превратил философскую концепцию Платона, сочетавшую художественно-поэтические черты с глубиной и сложностью рациональных построений, в строгую систему общих понятий чем навсегда исключил элементы эмоционального искусства из языка научно-философского произведения, что позволило его учению стать методологическим фундаментом классического европейского формально-понятийного стиля мышления, со временем, впрочем, превратившегося в умах его последующих средневековых преемников в застывшую схоластическую догму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басов Р.А. История греческой философии от Фалеса до Аристотеля. – М.: «Летопись XXI», 2002. – 415 с.
2. Джохадзе Д.В. Диалектика Аристотеля. М.: «Наука», 1971. 264 с.

16 От др.-греч. *ὑπό-στάσις*, *ὑπό-στάσις*, ‘основа’, ‘существование’, ‘реальность’, ‘действительность’, ‘сущность’, ‘личность’.

17 От др.-греч. *πρῶτος* – ‘первый’, ‘основной’.

18 «Метафизика» IV 3, 1005b 20.

3. Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий; ред. С.И. Соболевского. – М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I. – 1043 с.
4. Ивин А.А. Модальные теории Яна Лукасевича. – М.: ИФ РАН, 2001. – 176 с.
5. Лосев А.Ф. История античной философии в конспективном изложении. 2-е изд., исправ. – М.: «ЧеРо», 1998. – 192 с.
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – М.: «АСТ»; Харьков: «Фолио», 2000. – 846 с.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. – М.: «АСТ»; Харьков: «Фолио», 2000. – 960 с.
8. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель / 3-е изд-е, исправленное и дополненное. – М.: «Молодая гвардия», 2005. – 392 с.
9. Новейший философский словарь / Гл. науч. ред. А.А. Грицианов. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 877 с.
10. Рассел Б. История западной философии. Кн. 1. – М.: «Миф», 1993. – 509 с.
11. Рассел Б. Мудрость запада: историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами. – М.: «Республика», 1998. – 479 с.
12. Соколов В.В. Философский синтез Аристотеля // Философия и общество. – 1999. – №4. – С. 45-97.
13. Троицкий В.П. О смысле чисел / В кн.: Лосев А.Ф. Критика платонизма у Аристотеля (Перевод и комментарий XIII и XIV-й книги «Метафизики» Аристотеля). – М.: «Академический Проект», 2011. – С. 5-25.
14. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля (Экспозиция герменевтической ситуации) / Пер. с нем., предисл., науч. ред., сост. слов. Н.А. Артеменко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012. – 224 с.
15. Целлер Э. Очерк истории греческой философии. – СПб.: «Алетейя», 1996. – 294 с.
16. Шичалин Ю.А. Возникновение европейской комментаторской традиции // Историко-философский ежегодник'89. – М.: «Наука», 1989. – С. 68-77.

© Судакова Татьяна Григорьевна (tatyanyushka.s@mail.ru), Казиев Эдуард Викторович (kedmon@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Владикавказский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»